

О. В. Зуева (Минск)

НАРОДНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ АФОРИЗМЫ В ГРАМОТКАХ XVII в.: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Произошедший в лингвистике XX в. поворот к человеку определил активное обращение современных ученых (в т. ч. историков языка) к прагматическим аспектам речевой деятельности. В способах выражения говорящим тех или иных интенций отражается целый ряд взаимосвязанных факторов: его отношение к предмету речи и адресату, желание произвести определенное впечатление на собеседника, влияние приоритетов социальной среды и др.

Уникальным памятником русской речи поздней допетровской эпохи в ее письменном отражении являются материалы бытовой переписки (грамотки) XVII в. Отправителями и получателями грамоток, обслуживавших сферу неофициального повседневного общения людей, были частные лица, и потому содержание писем определялось кругом семейно-родственных и хозяйственных отношений коммуникантов. В текстах грамоток зафиксированы различные ситуации общения: просьба, благодарность, упрек, извинение и т. д., выраженные широким кругом оборотов речевого этикета. С целью обоснования правоты излагаемых суждений и оказания дополнительного воздействия на адресата авторы грамоток нередко сопровождали выражение своих интенций афоризмами дидактического характера, источниками которых служили религиозные тексты, сборники поучений, фольклор. С единицами речевого этикета книжные и народные сентенции сближает прагматический характер использования в речи и связь с ситуациями общения. Случаи употребления в грамотках цитат («образов прецедентных текстов», принадлежащих прагматическому уровню языковой личности [5]) позволяют судить о степени влияния художественного слова на старорусскую манеру речевого поведения и демонстрируют живое взаимодействие: *текст* (исходный) – человек (от восприятия к созданию, читатель → говорящий) – *текст* (новый). Не останавливаясь в данной статье на подробном описании функционирования афоризмов в текстах писем, рассмотрим отдельные, наиболее показательные, примеры.

Сравним замечания, сопровождающие выражение просьбы в двух грамотках разных авторов: *послетствуи стому евангелию блажени милостивий яко тыи помиловании будуть* [7, № 87, с. 60]; и

известна млсти твоєї что свої своему поневоли другъ бывает [7, № 55, с. 46]. В первом примере адресант апеллирует к евангельской заповеди, во втором – вспоминает пословицу, известную по многим рукописным сборникам XVII в. [3, с. 44; 8, с. 383], включённую позже В. И. Далем в его толковый словарь: *свой своему поневоле друг (брат)*. Если в первом случае просящий прямо призывает адресата руководствоваться принципами христианского общежития (*по-слетствуи*), то автор второго письма строит высказывание как некое рассуждение по поводу возникшей ситуации; употребляя оборот *известна... что*, он только намекает адресату на то, почему ему следует помочь.

Благодарность за присланные деньги в письме архиепископу сопровождается дословной библейской цитатой (Ев. Луки, гл. 6, ст. 38): *по оної евнгельскої притчи дайте и дасться вамъ меру добру наткану и протрясну и преливаюущя дадут на лоно ваше тою бо мерою ею же мерите возмерится вам* [2, № 467, с. 287]. Адресант и демонстрирует своё знание и почитание Священного Писания (что должно быть особенно важно для его собеседника), и выражает похвалу адресату, деятельно соблюдающему данную заповедь. Идея «какой мерой меряете...», идея воздаяния в целом наиболее часто актуализируется в сентенциях: *и то знатно дело что все поругание отдасть гсду бгу ответ* [6, № 318, с. 285]; *...ж причею [притчею] да увидет в чем ся ты зделаеишь сам в том пострадаеишь* [6, № 276, с. 261] и др. С такими сентенциями соотносятся этикетные формулы общения *бог тебя самого не покинет; да и сами тую же мзду от всемогущего ншего Христа восприимите; а за тое млсть мздовоздател гсдь бгъ*; аналогичные выражения встречаются также в «Домострое»: *да и сами от Бога мзду приимете* [4, с. 97]; *за сие отъ Бога мзду приимеиши... и вкупе отъ Бога обрящете милость* [4, с. 99].

Чаще всего афоризмы сопровождали выражение упрёка. Пишущие стремились одновременно и «придать вес» порицаниям (величина проступка при этом сразу возрастала), и показать свою заботу об адресате, дать образец, как тому следует или не следует поступать. Любопытно, что нередко «авторские» рассуждения оказываются вольным пересказом того или иного афоризма. Ср., напр., укор *[рыбки не изволил прислат] не рыба та гсдрь мне дорога дорого мне твое приятство* [7, № 9, с. 68] и пословицу *Не дорог подарок,*

дорога любовь. Порицание хорошо бы гсдрь и бга бояс учинит да чтоб от людеи добрых стыду не было [2, № 25, с. 26] отсылает к притче о неправедном судье, который бога не боялся и человек не срамляясь (Ев. Луки, гл. 18, ст. 2). При этом еще В. П. Адрианова-Перетц замечала: «выражение закрепилось в устной поговорке «Ни бога не боится, ни людей не стыдится»» [1, с. 23]; таким образом, оборот из грамотки с равной долей вероятности можно квалифицировать и как обработку непосредственно евангельского афоризма, и как пересказ его народного варианта, «приспособленные» коммуникативной задаче адресанта.

Закономерно, что книжные афоризмы излагаются высоким стилем, при этом смена стилей легко осуществляется как в рамках выражения одной интенции, так и при переходе от одного смыслового фрагмента к другому. Ср. разговорные и самоуничижительные формы *не презри моего... батка мой проиешника* – и далее там же риторическое: *послетствуи стому евангелию блажени милостивий...*; другое поучение: *...да ѱдет в чем ся ты здѣлаешъ...* – завершается просторечным советом *буде не взял не выимаи плеваи на него*.

Как правило, нравоучительные высказывания вводились в текст посредством либо указания на цитируемый источник (*по оної евангельскои притчи*), либо употребления конструкций типа *известна... что, и то знатно дело... что*, подчёркивающих общепризнанность следующих далее рассуждений и менее категоричных по форме воздействия, в отличие от прямого призыва (*послетствуи стому евангелию*) или оценочного замечания (*хорошо бы... и бга бояс учинит...*). Функционирование афоризмов в грамотках демонстрирует различные способы реализации их частной прагматической семантики, не только и не столько в них заложенной изначально (в отличие от общего коммуникативного потенциала), сколько формируемой в процессе общения.

1. *Адрианова-Перетц В. П.* Человек в учительной литературе древней Руси / АН СССР. ТОДРЛ. Л., 1965. Т. 27. С. 3–68.

2. Грамотки XVII – нач. XVIII в. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова / Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

3. *Дмитриев Л. А.* Отрывок сборника пословиц XVII в. / Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 28–56.

4. Домострой / Изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 1994.
5. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
6. *Котков С. И.* Памятники деловой письменности XVII в. (Владимирский край). М., 1984.
7. *Котков С. И., Панкратова Н. П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – нач. XVIII в. М., 1964.
8. Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.) / Сост. В. В. Колесов. М., 1989.